

5 КРУГОЛОП 75

ЮНОШЕ,
ОБДУМЫВАЮЩЕМУ
ЖИТЬЕ

Война, к счастью,
не коснулась вас, ребята.
Но отзвуки ее,
далекие ее раскаты
доносятся до нас
из воспоминаний очевидцев.
Среди нас живут люди,
видевшие и пережившие войну.
Их рассказы, их знания,
опыт—бесценны для вас.
Слушайте их,
думайте над их судьбами.
Это поможет вам понять,
осмыслить связь,
премственность
героического прошлого
нашей страны
и ее героического
настоящего.

Ваш
Михаил Шолохов

Как и предыдущий,
апрельский,
этот номер «Кругозора»
посвящен
30-летию Победы
советского народа
в Великой
Отечественной
войне
1941—1945 годов.

Стремясь возможно глубже, правдивее раскрыть образ современника, передать дух эпохи, художник должен почувствовать внутреннее состояние своих героев, их переживания, их духовную сущность, а не прибегать к искусственным внешним приемам. Атрибуты могут играть большую роль, являясь неотъемлемой частью композиции, но они не составляют основу, а лишь дополняют характеристику образа.

Хочу привести маленький диалог, который был между мной и маршалом бронетанковых войск П. А. Ротмистровым во время работы над его портретом (дело было в конце 1944 года). Зашел разговор на эту тему. Ротмистров и спрашивает:

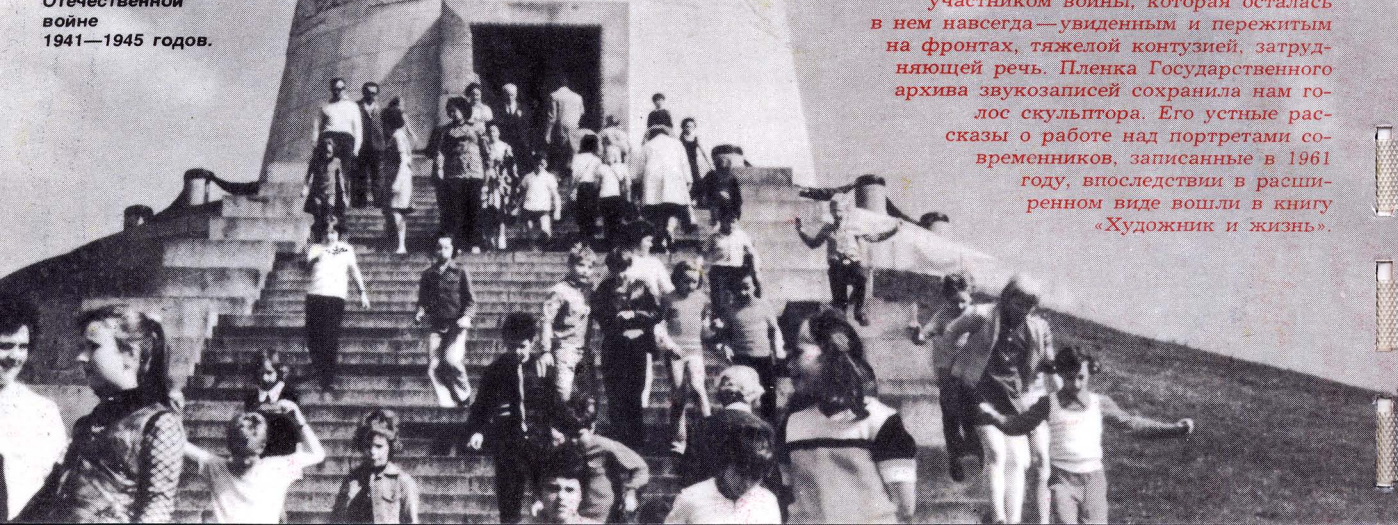
— А, собственно, как вы, художники, раскроете образ именно советского полководца? Как отличите его от полководца войск противника? Ведь в общем-то и те и другие руководят массами войск, которые убивают друг друга. Как же вы найдете разницу, если, конечно, не захотите сделать гротеск или шарж?

Я, в свою очередь, задал ему такой вопрос:

— Скажите, Павел Алексеевич, вот вы являетесь нашим советским танкистом. Есть танкисты и в фашистской армии, например, генерал Гудериан. Представьте такой случай. Наши танки, «виллис», в котором вы сидите, мчатся по немецкой земле. Кругом все горит. Словом, война. И вдруг

ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Мемориальный комплекс на Мамаевом кургане с фигурой Матери-Родины в центре. Монумент советскому Воину-освободителю (на фото) в берлинском Трептов-парке... Это крупнейшие работы Героя Социалистического Труда Евгения Викторовича Вучетича. Он сам был участником войны, которая осталась в нем навсегда—увиденным и пережитым на фронтах, тяжелой контузией, затрудняющей речь. Пленка Государственного архива звукозаписей сохранила нам голос скульптора. Его устные рассказы о работе над портретами современников, записанные в 1961 году, впоследствии в расширенном виде вошли в книгу «Художник и жизнь».

на дороге, по которой мчатся ваш «виллис» и танки, оказался ребенок. Что вы будете делать?

— Дурацкий вопрос!

— Почему?

— А что бы ты сделал?

— Я бы поднял ребенка.

— Что же, я зверь? И я бы сделал то же самое. А если бы не смог сам вылезти, приказал бы взять ребенка и обеспечить ему безопасность.

— Но ребенок—немецкий,—допытывался я.

— Ребенок есть ребенок!

— Павел Алексеевич, а как бы поступил Гудериан?

— Что значит: как бы поступил?

— Ну, что бы он сделал, если бы шел по нашей земле и увидел то же самое, что увидели вы, идя по немецкой? Ротмистров встал с места и заходил по мастерской.

— Я понял, какую силу может иметь искусство,—ответил он наконец.—Да, конечно, Гудериан не остановил бы своей «виллис» и не поднял бы ребенка...

...Из задуманной большой серии портретов наших военных я сумел осуществить более сорока. Некоторое время после войны еще продолжалась работа над серией.

Этот период оказался очень трудным, потому что то были годы окончания Берлинского ансамбля. Затем, сразу же по возвращении на Родину, начались работы над памятником генералу Гуртьеву для города Орла и Александру Матросову—для Великих Лук.

Параллельно с этим развернулось проектирование ансамбля для Мамаева кургана в Волгограде, а также сооружение памятника в ознаменование встречи Юго-Западного и Сталинградского фронтов. Естественно, что и в это время велась работа над портретами.

Расскажу, как я работал над портретом М. А. Шолохова. Единственно подходящим местом, где бы с ним можно было относительно спокойно встречаться, был Ростов-на-Дону. Туда, в гостиницу «Московская», летом 1958 года я привез глину и даже каркасы, сделанные в Москве. Однако работать было все же трудно, потому что все время у Шолохова толпился народ.

Однажды получилось так, что посетители разошлись часам к одиннадцати, и мы остались наконец вдвоем. Работали до утра. Это была незабываемая ночь. Он сидел в кресле и говорил о разном. Постепенно разговор перешел на литературные темы. Шолохов рассказал, как он работает над книгой «Они сражались за Родину». Потом он поведал одну удивительную историю, о которой говорил до рассвета.

По поводу его портрета между нами были не то чтобы разногласия, но, во всяком случае, разговоры. В конце концов мы пошли на компромисс. И я обязан рассказать обо всем именно тем людям, которые любят Шолохова, чтобы они правильно поняли мою работу и оценили, донес ли я замысел до сердец человеческих.

Евгений ВУЧЕТИЧ,
народный художник СССР

фото А. Награльяна

НЕ СКЛОНЯЛАСЬ ТВОЯ ГОЛОВА!

ГОРОДА-ГЕРОИ

Николай ГРИБАЧЕВ

Независимо от того, в какой среде и где—у нас или за рубежом—заходит речь о роли Москвы во второй мировой войне, суждения единодушны: эта роль первостепенна, решающа. И если бы наша столица, олицетворившись в облике женщины, надела свою Золотую Звезду Героя, даже малоискушенный в истории скептик вынужден был бы признать: «Заслужила!»

Когда в октябре сорок первого года Гитлер заявил, что вскоре совершит прогулку по Кремлю, западным военным специалистам это отнюдь не показалось припадком хвастовства—у немцев было превосходство в живой силе и технике, видение близкой победы пьянило их. Мне в эти дни довелось быть в Подмоскovie, и то, что я видел, не с чем сравнить. От бесчисленных низко летавших самолетов с желтым подбрюшьем и крестами на крыльях гудело, трещало небо, земля раскачивалась залпами артиллерии, толкала в ноги, по горизонту стояли дымные бесчисленных пожаров—день темнел задолго до заката...

В истории, как в драме или трагедии, бывают точки кульминации, пределы обостренности. Теперь, когда известны все документы, вся подоплека собы-

Москва. Парад Победы. Июнь 1945 года.

тий, можно с полным основанием сказать, что для второй мировой войны такой кульминацией была битва за Москву. Не только с военной точки зрения—у нас были еще и силы, и вера в свое дело, и огромные территории,—а в первую очередь с политической и моральной. Фраза «мир затаил дыхание» всегда кажется преувеличением. Но применительно к данному случаю она слишком бедна, чтобы передать все напряжение той поры. Американские газеты писали: «Россия обречена». На стороне Германии собирались вступить в войну некоторые ее явные и тайные сателлиты—падение Москвы должно было послужить для них сигналом.

Развязка известна: нашествие было остановлено, ударная волна его отброшена на сотни километров.

В поражении, которое понесли гитлеровцы под Москвой, растаяли, как сахар в кипятке, и их слесь и казавшаяся незыблемой теория молниеносной войны. Фашистская армия с подмосковными синяками—это была уже другая армия, ее били, ее можно было бить.

Победа открыла нашу армию, наш народ. Резким скачком возросло движение Сопротивления в оккупированных странах. Французский публицист писал в те дни: «Когда в конце передачи раздался бой кремлевских курантов, у нас глаза наполнились слезами

летов, изучение маневров армий и корпусов еще не объяснят в полноте той нашей победы—для этого надлежит подольше поразмышлять. Случалось, что на Западе Гитлер выигрывал сражения и при преимуществе противника в людях и вооружении. На нашей стороне в этой переломной для второй мировой войны битве был особый род оружия, против которого бессильны и пуля, и танк, и самолет. Это воля Москвы, дух Москвы! Готовность стоять насмерть не одного героя с бесстрашным характером, а десятков, сотен тысяч, миллионов людей!

Давно известно, что идея может стать материальной силой. Москва доказала, что она может стать и оружием, притом в самом непосредственном значении—оружием, которое обороняет в бою и разит противника. Легко ли мальчишкам и девчонкам в самой цветущей поре жизни дежурить на ночных крышах, когда в темном небе воют самолеты и оттуда с леденящим

Главная площадь страны. Люди идут к Ленину.

Рубеж на 23-м километре от Москвы, дальше которого враг не прошел.

Фото Н. Рахманова

душу ревом несутся бомбы? А они дежурили, добровольно, с самого начала войны, сбрасывали или гасили песком «зажигалки» и спасли множество зданий, среди которых немало исторических шедевров. Легко ли женщинам, в том числе пожилым, или тем же юношам и девушкам копать оборонительные сооружения? А они копали, внося этим свой вклад в победу, и тысячи и тысячи наших солдат обязаны им жизнью. Москва, как и Ленинград, как позже другие города, вступила в сражение вся, до последнего человека и явила миру примеры невиданного героизма, которому нет другого названия, как социалистический героизм.

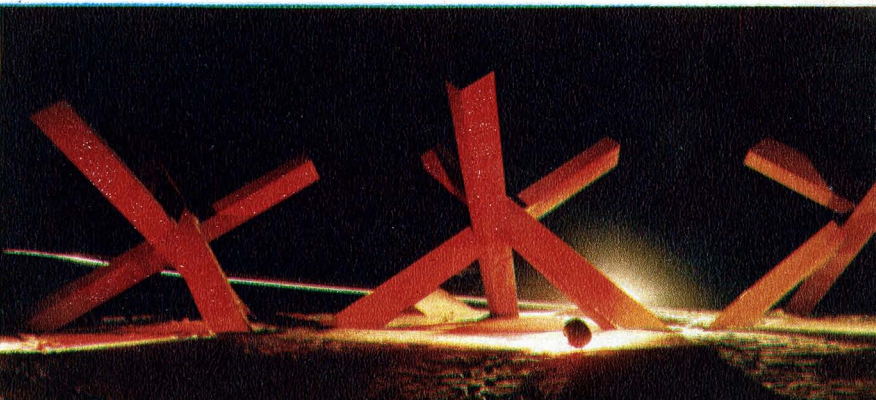
Что давало людям, разным по возрасту, характеру и склонностям, военным и невоенным, эту железную выдержку? Что их цементировало в единстве, которое воистину представляет несокрушимую силу в бою и труде? Коммунистическая убежденность, советское воспитание, сознание, что они защищают правое дело—дело Ленина. Эти слова не декларация, они по глубокой сути своей живее всех живых, и без них нет никакого способа объяснить массовый героизм. Только так!

Наконец, Москва была уже не той, в которую входил Наполеон, не той, какая встретила революцию. Не столицей Российской империи, а сердцем

радости оттого, что немцы потерпели первое крупное поражение. В этот час Москва была поистине надеждой, сердцем всего мира». Есть нечто символическое в том, что из всех европейских столиц именно Москва, только Москва, всех последовательнее защищавшая мир в предвоенные годы, сокрушила острие бронированного немецкого клина.

Тот, кто заинтересуется тактикой и стратегией сторон в битве за Москву, легко удовлетворит свое любопытство—об этом много написано. Однако подсчет людей, штыков, танков, само-

пролетарского государства, социалистической Отчизны, единой для всех живущих в ней наций и народностей. Это повышало чувство ответственности у москвичей и умножало силы солдат и офицеров всех национальностей, сражавшихся на подступах к Москве. Так подвиг Москвы приобрел характер общенародного, так подвиг народа тысячами нитей навечно связан с именем столицы.

Победа под Москвой была первой в длинном списке, который кончается падением фашистского Берлина, первой полоской света во мгле среди

бури—в этом ее непреходящее значение. Она изменила характер войны, ее психологический климат и взаимоотношение сил, вдохновила другие народы, послужив примером героизма—вот как надо воевать!—укрепила нашу волю и веру. Атакующий дух ее витал над всеми сражениями от Москвы-реки и Волги до Эльбы.

...Прошло тридцать лет. Все эти годы Москва, помня уроки войны и не забывая о мерах обороны—в мире еще немало злокозненного и мутного,—строилась и строила, расширялась, становилась моложе и современ-

нее обликом. И шаг за шагом, верная своей социалистической сути, превращалась в главный центр борьбы за мир. Такой жизнелюбивой и миролюбивой, непреклонной к врагам и гостеприимной для друзей, первой среди равных в семье городов-героев выйдет она и на юбилейный парад Победы.

Вместе со всей страной, со всем народом.

На первой звуковой странице—новая запись песни И. Дунаевского и М. Лисянского «Моя Москва». Исполняет В. Чемоданов.

Перед атакой, в осыпающемся суглинком окопе, а может, у сиротливых, продрогших в морось берез, прорываясь из вражеского кольца, или в глухих плавнях перед броском на крутой правый берег реки, превращенный в крепость, договорились: повезет—встретимся. После войны. Где? Тут ведь такое место нужно, чтоб не искать долго. Чтоб посидеть можно было, друзей дожидаясь...

Сквер у Большого театра в Москве. Лучшего места и не придумаешь!

Москву встретить боевых друзей, вспомнить тех, кто остался на войне навсегда.

Встреча с памятью. Переключка памяти... В центре Москвы собираются фронтовики. Люди, видевшие все, что принесит война,—кровь, руины, пожарища, концлагеря, смерть. Люди, знающие цену каждой мирной минуте.

Здесь приходят солдаты минувшей войны. Поседевшие отцы наши. Матери. Братья старшие, сестры. Люди военного поколения. Ведь не возраст, не годы

**каждый год
в этот день**

...Дорога к Победе была, как и сама Победа, одна на всех. А военная тропа каждому своя досталась. Кому—длинная, от Волги, через Днепр и Одер до самой Эльбы. Кому—в один шаг. И все же, делая этот свой первый и последний шаг в излучине Дона, на берегу Миуса, у самой ли Вислы, солдаты знали, верили, что Победа придет.

Счастливый и горький дар—помнить прошлое.

В сквере у Большого театра фронтовики встречаются с памятью. Негромкий парад всех фронтов. Из сел, городов, за тысячи километров приезжают они в

лежат веками между поколениями—события. Люди, прошедшие войну, они—ее поколение. Мы—другое. Все, что нажили они, принадлежит нам, сохранившим войну только в детской памяти, по рассказам и книгам. Их победа—теперь и наша.

Время не в силах нарушить фронтовое братство. Духовная связь, возникающая на войне, неразрывна...

Всего одну-две минуты на звуковой странице мы слышим майскую площадь. Всего одну-две. Кто помнит войну, знает цену военной минуте...

Валентин СКОРЯТИН

**Встреча ветеранов в Москве
на площади Свердлова 9 мая 1974 года.
Фото автора и А. Лидова**

МУЗЫКА ЭКРАНА

1943 год. Деревянный, дряхлый клуб на станции Зима, и мы, жиганстые сибирские мальчишки, зачарованно глядим на заштопанный суровыми нитками экран. А там, на экране, удивительный одессит в тельняшке, выглядывающей из-под гимнастерки, лукаво подмигнув забюк кутающейся в пуховый платок ленинградке, садится и поет: «Шаланды, полные кефали...» Шальные слова песни говорят не о блокаде, не о войне, а о какой-то рыбачке Соне и о грузчиках, надевших на свадьбу «со страшным скрипом башмаки». Но все интонации песни и озорные чертики, прыгающие в глазах одессита, как бы хотят выразить, что нет ничего такого, чего не смог бы перенести человек, если он верит в жизнь.

Была в этом фильме и другая песня — «Темная ночь». И хотя главной мелодией, определявшей чувства нашего народа во время войны, являлась мелодия песни «Вставай, страна огромная...», эти две будто бы «побочные» песни слились с главной, укрепили ее своим лиризмом. А рождение этих песен и их

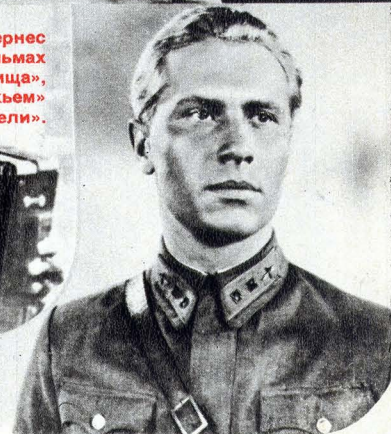
Позднее я увидел его в «Человеке с ружьем», в «Большой жизни», в «Истребителях». И опять Бернес гениально «обманывал» меня — каждый раз он абсолютно сливался с образом то паренька, обмотанного пулеметными лентами, то ослепшего, но несломленного летчика.

По просьбам читателей

Марк Бернес в фильмах «Два товарища», «Человек с ружьем» и «Истребители».

О БОЙЦАХ-ТОВАРИЩАХ

воплощение навсегда останутся в моей памяти неотделимыми от Марка Бернеса.

В «Двух бойцах» я впервые увидел его и, конечно, по-мальчишески поверил, что и Саша Свинцов в исполнении Бориса Андреева и Аркадий Дзюбин в исполнении Марка Бернеса — это не персонажи, а реальные, «невыдуманные» люди. Я не мог даже представить, что Бернес родился не в Одессе.

И голос Бернеса, по-моему, был прекрасен, ибо прекрасно только то, чему верить. А доверие к Бернесу-певцу складывалось из того, что он не был всеяден, что он отбирал лишь те песни, которые были важны для него. Именно поэтому они становились важными и для других людей. Он даже «организовывал» такие песни.

Так, он буквально организовал песню «Хотят ли русские

войны?». Сейчас уже просто-напросто невозможно восстановить, что там написал я сам, а что подсказал мне Бернес. Он уговорил авторов песни «Я люблю тебя, жизнь», чтобы строка «доброта человечества — дети» звучала проще, но доходчивее: «Это чудо великое — дети».

Поэты — люди упрямые, и им не особенно нравится, когда кто-нибудь посягает на

суверенность их строк. Но Бернес был хотя и трудным редактором, но зато самым приятным — влюбленным редактором. Порою мы делали по несколько вариантов какой-либо песни. И когда верное решение наконец бывало найдено, он звонил и говорил тихо: «Это то... это то самое».

Евг. ЕВТУШЕНКО
Слушайте восьмую звуковую страницу.

...Рядовые воины —
солдаты переднего края,
те, кто грудь с грудью
сталкивался
с противником... били
врага по всем
правилам советской
«науки побеждать».
Маршал Советского Союза
А. А. ГРЕЧКО

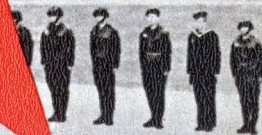
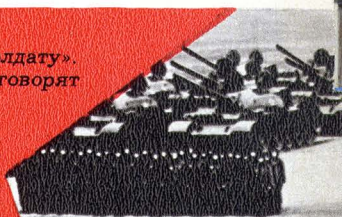

ПОБЕДИТЕЛИ

2

ГОЛОСА НАШЕЙ БИОГРАФИИ

«Каким я вижу памятник солдату».
На второй звуковой странице говорят
известные советские
военачальники —
маршалы В. И. Чуйков,
К. П. Казаков,
генерал армии
П. И. Батов.

Мы победили. Мы не могли не победить, ибо, говоря словами поэта, бой вели «святой и правый, смертный бой — не ради славы, ради жизни на земле».

Мы не могли не победить, ибо советский солдат, принявший на свои плечи основную тяжесть войны, в самую трудную минуту верил в Победу, оставался верным народу и партии.

Часто вспоминаю я дорогие мне лица бойцов Красной Армии, с которыми вместе отстаивал и защищал Советскую власть еще на заре ее, восхищаюсь их мужеством и героизмом. В большинстве это были люди молодые, которые так и не познали ребячьих забав, и постелью

Бойцы Красной Армии. 20-е годы.

Победное знамя на рейхстаге.
Май 1945 года.

70-е годы. Совместные учения войск стран — участниц Варшавского Договора.

Фото Е. Халдея и ТАСС

для них часто был сырой окоп, а подушкой — седло или охапка соломы. Верные идеи борьбы за народное счастье, они грудью своей защитили Октябрь, поголову разгромили полчища интервенции и внутренней контрреволюции, а двадцать лет спустя вместе с сыновьями отстояли завоевания социализма в суровых испытаниях Великой Отечественной войны.

ете, сколько наших ребят до этого дня не дожили!»

Конечно, я знал это. Мне не раз приходилось водить солдат в стремительные атаки, наблюдать за действиями войск с командных пунктов армии и фронта. Легким наш жизненный путь никак не назовешь. Солдаты нашего поколения дрались на холодных, изрытых бомбами волжских берегах, стояли насмерть по-

Красная Армия — культурная сила, а не только организация, созданная для физической защиты рабоче-крестьянского государства». Это верно и сегодня.

Сегодняшний солдат и матрос нередко ведет со своими товарищами занятия по высшей математике, по ядерной физике, астрономии, защищает кандидатскую диссертацию. Сотни сложнейших технических специальностей насчитыв-

Неисчислимы ратные подвиги солдат. Каждый, по сути, был героем. О нескольких из них — о нескольких из множества — расскажут мои соратники, чьи голоса записаны на звуковой странице «Кругозора». Мне же почему-то вспоминаются самые первые мирные мгновения весны 45-го года.

Войну я закончил в Кенигсберге. Восторг, охвативший воинов, вылился повсеместно, во всех частях, как на переднем крае, так и в тылу, в стихийные салюты в честь долгожданной Победы, дорога до которой оказалась такой долгой и крутой. Трассирующие снаряды и пули расцвели все голубое небо.

Тогда я увидел, может быть, впервые, как плачут мужчины. Такое не забывается. Помню немолодого гвардейца, которому я сказал: «Старина! Все хорошо, мы победили, радоваться надо!» И он ответил мне, не смахивая слез с прорезанных морщинами щек: «Я радуюсь, товарищ командующий, но вы же зна-

тив вражеских танков под Москвой и на Курской дуге, победителями вошли в поверженный Берлин. А сегодня, через тридцать лет после нашей Победы, посевшие ветераны идут вместе с юными комсомольцами и пионерами по дорогам боевой славы, которые советская молодежь гордо именуется дорогами отцов-героев.

Отцы-герои всегда оставались верными своему долгу.

Верны своему долгу и нынешние советские воины, те, кто стоит каждый день, каждый час в боевой готовности у экранов локаторов, на ракетных позициях. Ведь на земле и ныне то здесь, то там вспыхивают очаги войны, и воины нашей армии зорко охраняют мирный труд советского народа.

Многое изменилось в нашей армии со времени ее рождения. Еще в тридцатые годы Алексей Максимович Горький писал: «Мы имеем право гордиться фактом, небывалым никогда, нигде: наша

ваются в нашей армии, и люди, в разное время проходившие службу, навсегда благодарны ей за тот опыт, который они получили. Наконец, именно воспитанники Советской Армии первыми на нашей планете пробили «небесный потолок» и вышли в космос, на дорогу к звездам. Восхищаясь дерзостью такого мирного подвига, человечество аплодировало советскому пилоту в военной форме.

Да, все мы — пахари и металлисты, садовники и каменщики, инженеры и ученые — непременно и солдаты. Солдатом называют себя и рядовой и маршал. Это гордое имя — солдат. Перед Коммунистической партией, советским народом и нашей страной все мы равны. И если сегодня любого из нас, рядового или маршала, позовет Родина, каждый, не раздумывая, встанет в солдатский строй.

Маршал Советского Союза
И. Х. БАГРАМЯН,
Герой Советского Союза

Коммунистическая партия и Советское государство, все миролюбивые силы стремятся развить те положительные сдвиги, которые происходят в мире, сделать процесс разрядки международной напряженности необратимым. Вместе с тем нельзя забывать о том, что природа империализма не изменилась, что силы реакции и агрессии не сложили оружия и пытаются препятствовать положительным переменам в международных отношениях.

Из постановления ЦК КПСС
«О 30-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне
1941—1945 годов».

Людмила ЩИПАХИНА

ВДОВЫ ЧИЛИ

Над сырой могильной кручей
День слезами омочили,
Платья черные, как тучи,
Надевают вдовы Чили.

Над отчизной несвободной
Вихри смерти завывают.
Цвет трагедии народной
Вдовы Чили надевают.

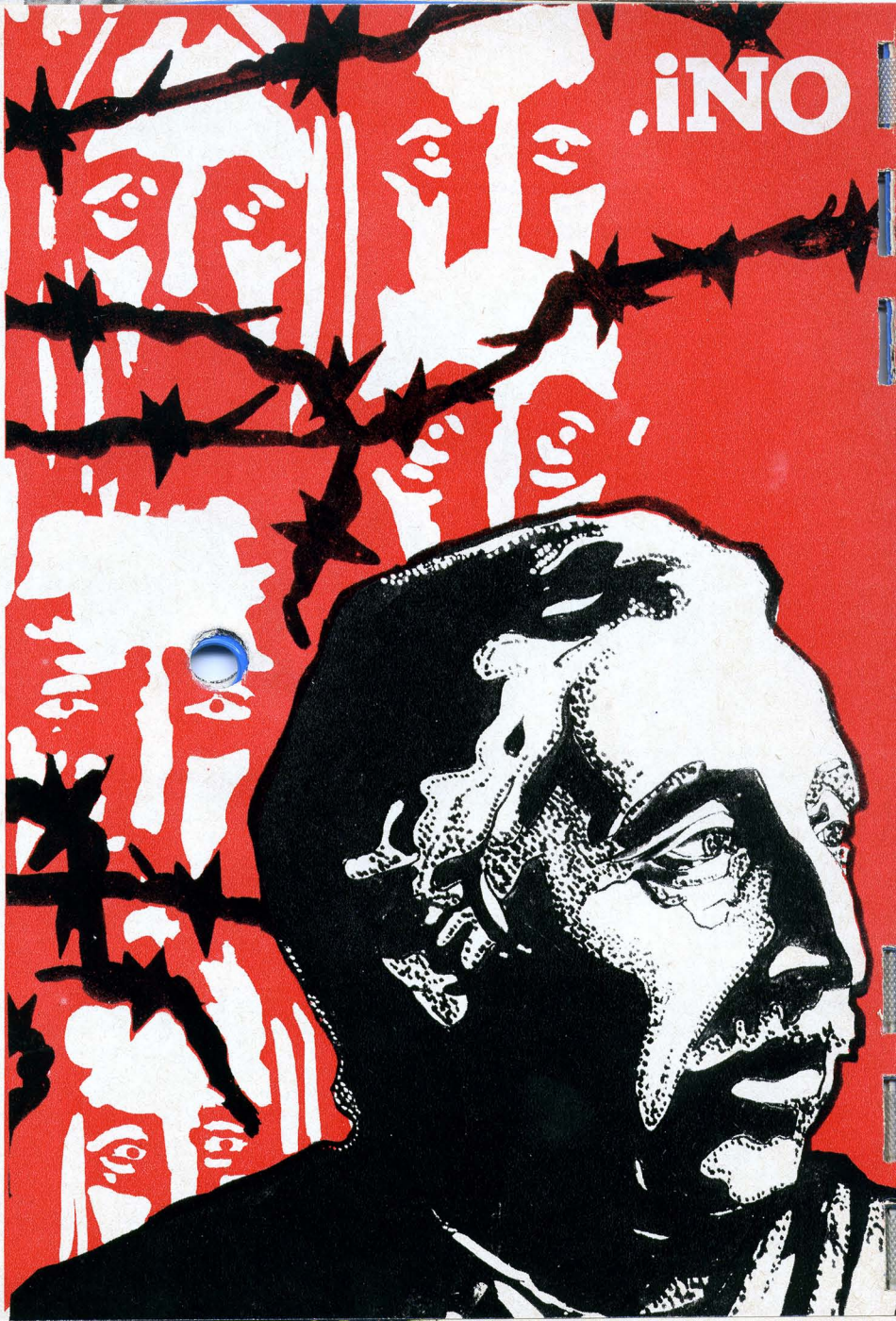
Кровью залиты предместья.
Правду в цепи заточили.
Стали символом возмездья
Ваши слезы, вдовы Чили!

И от слез вода морская
Солоней и горше стала.
Вдовы Чили—боль людская
Сердцем мучиться устала.

Траур горестный наденьте,
И скорбите, и рыдайте.
Эти чувства вашим детям,
Вдовы Чили, передайте!

Со свободой не расстаньтесь!
Беды правде научили.
Патриотов и повстанцев
Воспитают вдовы Чили.

И к победе неминуей,
К справедливости взывают.
...Платья черные, как тучи,
Вдовы Чили надевают.

.iNO

PASARAN!

КОММУНИСТ—ЭТО БОЕЦ

«Тюрьма не может стереть следы, которые ты оставил в жизни, отец. Со мной живут воспоминания моего детства в Ла-Систерна. Грядки с фасолью и картошкой, которые ты возделывал во времена диктатуры Гонсалеса Виделы, когда мы были еще совсем детьми. Я также помню и твои уроки. Ты терпеливо наблюдал, как мы учились читать. Помню твою заботу о том, чтобы мы выросли настоящими людьми. У нас никогда не было ни дворцов, ни драгоценностей, но у нас был дом, полный мудрости, истины...»

Это письмо не было послано по почте, потому что почтальоны не ходят через рвы, колючую проволоку, тюремные стены и ворота с конвоем. Строки его были произнесены по радио. Но оно обязательно дойдет, это письмо, потому что молодой Луис Корвалан адресовал его отцу, Луису Корвалану-старшему, томящемуся в застенках фашистской хунты.

Голос самого Корвалана, фрагменты письма, посланного ему сыном,—на звуковой странице «Кругозора». Теперь же мы расскажем читателю журнала о негнбиаемом коммунисте—Генеральном секретаре Компартии Чили, расскажем всего о нескольких фактах его жизни, которые выстраиваются в цепь, единую и закономерную.

Луис Корвалан, как отметил однажды его товарищ по борьбе, член политкомиссии ЦК Компартии Чили Володя Тейтельбойм, родился в канун события, которое разделило на две части историю человечества,—в канун первой в мире социалистической революции в России. Рос он в провинции, где сошлись прошлое—восстания индейцев—и настоящее—забастовки молодого пролетариата; где сошлись город и село, рабочий и батрак, пришедший в город, чтобы стать рабочим и испытать на себе всю тяжесть капиталистической эксплуатации...

Корвалан собирался стать учителем и был им, правда, недолго: потерпит ли хозяин в своей школе забастовщика? Было это в северном городе Икике—в том самом, где в 1907 году, на заре чилийского рабочего движения, власти совершили кровавое преступление: более трех тысяч шахтеров, с женами и детьми, были расстреляны из пулеметов и добиты штыками по приказу заокеанских хозяев местных рудников...

Молодому учителю было отказано в месте, как только стало известно, что он создал «Освободительный альянс молодежи». Организация превратилась в широкое движе-

ние, которое противопоставило себя поднявшему голову фашизму. Затем работа в «Эль Сигло», центральном органе компартии, работа на всех постах, от репортера до главного редактора. Еще позднее—одинадцатилетнее подполье, нелегальное издание произведений Пабло Неруды, звавших народ к борьбе за свободу.

Почему так любят простые чилийцы Луиса Корвалана, товарища Лучо, как его называют с нежностью? Потому что он всегда был и остается одним из них. В пору правительства Народного единства Корвалан объездил всю страну с севера до юга, от границы с Перу до Огненной земли, и южнее, до Магелланова пролива. Верхом на лошади, в национальной шляпе с узкими полями и в шерстяном индейском пончо он появлялся в дальних деревнях, где проводилась аграрная реформа, беседовал с крестьянами о земле и урожае как истинный знаток земледельческих проблем. Ему нравятся вкус и аромат чилийской кухни, и сам он искусный кулинар, для которого самая большая радость—угостить друзей каким-нибудь вкусным блюдом...

Уже полтора года прошло с того страшного 11 сентября, когда был убит президент Альенде и в Чили узурпировал власть фашизм, дикий, разнузданный, кровавый. На узкую полоску Южной Америки, вытанувшую вдоль Тихого океана, пала тень мрачных гитлеровских времен со всеми их атрибутами—застенками, пытками, убийствами. Но даже за колючей проволокой патриоты не утратили силы духа. Первому журналисту, который добился свидания с ним, Лучо сказал: «Я люблю жизнь, но я не боюсь смерти и смогу, если потребуется, умереть за дело моего народа».

Эдуардо Лабарка ГОДДАР,
чилийский публицист

Послушайте четвертую звуковую страницу: Луис Корвалан встречается со своим народом. Запись была сделана на стадионе «Националь» в Сантьяго, который через два с половиной года фашисты превратят в концлагерь—любное место Виктора Хары и сотен его товарищей. Вслушайтесь в голос товарища Лучо, голос человека, жизнь и борьба которого вдохновляют патриотов и сейчас, возрождая в памяти бессмертный девиз республиканской Испании: «Но пасаран!»—«Фашизм не пройдет!»

Рисунок А. Платонова

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Московские дикторы, сообщая в информационных программах метеосводку на завтра, нередко упоминают, какая погода будет на трассе Байкало-Амурской магистрали. Это интересует многих.

Грандиозная стройка связана с жизнью нескольких поколений советских людей. Начинали ее еще в 30-е годы. А на участке Бам—Тында перед самой войной было даже открыто движение. Но вероломное нападение фашистов отвлекло силы и средства от дерзновенного проекта.

Многие бамовцы ушли на фронт добровольцами.

Пришлось «воевать» и рельсам новой ветки. Они были разобраны и отправле-

ны за восемь тысяч километров на Волгу. Здесь в начале 1942 года приступили к срочному строительству рокадной железной дороги от Саратова до Сталинграда. Руководили стройкой те, кто раньше прокладывал рельсы на БАМе, — видный инженер-изыскатель и талантливый организатор Ф. А. Гвоздевский, бывший взводный в коннице Буденного; старейшие инженеры П. К. Татаринцев, А. П. Смирнов, М. В. Филимонов, М. А. Мирзоев. Мне довелось работать главным инженером проекта южного участка.

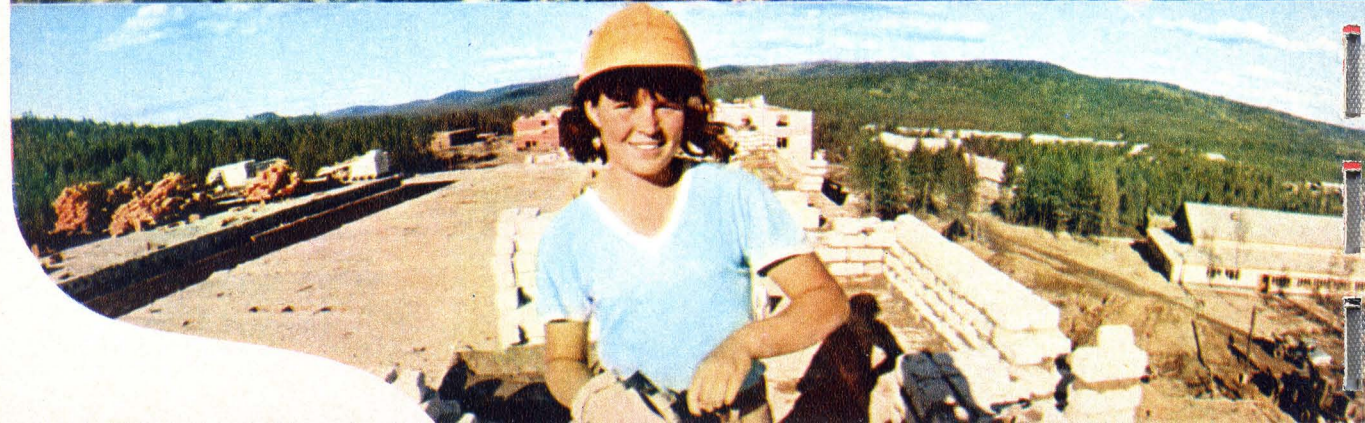
Фронт приближался к Сталинграду, и сроки открытия сквозного движения трижды сокращались. Дорогу проектировали и укладывали, что называется, с ходу, работали в основном ночью: днем фашисты бомбили и расстреливали

БАМ

СРАЖАЛСЯ НА ВОЛГЕ

По
просьбам
читателей

строителей из пулеметов. И все же 300 с лишним километров рельсового пути, привезенного с дальневосточного участка БАМа, было проложено на три дня раньше самого предельного срока, установленного на 10 августа. А уже на следующий день эшелоны с эвакуируемыми народнохозяйственными грузами двинулись по новой дороге на север. За август—сентябрь было вывезено более 23 тысяч вагонов. Навстречу им шли составы с воинскими частями и боеприпасами.

Большую помощь дорога оказала советским войскам при окружении фашистских дивизий в районе Сталинграда. По ней, в частности, подвозили «катюши» и артиллерию для разгрома группировки Паулюса. А когда 2 февраля 1943 года здесь прозвучал последний вы-

стрел, тем, кто построил эту линию, маршал Рокоссовский дал еще одно боевое задание: восстановить железнодорожные подходы к тракторному заводу, чтобы доставлять туда требующую срочного ремонта боевую технику.

Через неделю из заводских цехов своим ходом на фронт ушли первые танки.

Сами бамовцы продолжали воевать в разных соединениях. Шестерым из них за подвиги на полях битв было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Прошли годы. Построенная под бомбежками вдоль берега Волги железнодорожная линия стала настолько привычной, словно была тут всю жизнь. А старое земляное полотно довоенного участка бамовской трассы на востоке

страны за эти десятилетия поглотила тайга.

И вот тридцать с лишним лет спустя началось второе рождение соединительной ветки Бам—Тында и всей Байкало-Амурской магистрали. Сегодня здесь работают и ветераны и их сыновья. Жаркое соревнование за право поехать с отрядом добровольцев на Бам разгорелось в городе-герое Волгограде: кому из юных не хочется участвовать в возрождении к Дню Победы того самого участка дороги, который славно сражался вместе с их отцами и старшими братьями в Сталинграде!

Александр ЖИГИН,
бывший начальник
проектно-изыскательской
экспедиции
восточного района БАМа.

Молодые изыскатели довоенного БАМа готовят стенгазету к Дню авиации. 1938 г.

Год 1975-й. Железнодорожная линия скоро вновь прорежет Янканский перевал. А пока на станции Бам готовятся подъездные пути, в Тынде растут новые дома. Фото А. Лехмуса.

На девятой звуковой странице— песни «Строится БАМ» (З. Бинкин, В. Петров) и «Травы, травы» (В. Шаинский, И. Юшин).

В годы войны Евгений Степанович Березняк руководил разведывательной группой «Голос», которая помогла спасти от варварского разрушения Краков. Эпизоды подвига советских воинов, широко известного прежде всего по телефильму «Майор Вихрь» и другим публикациям, помещены теперь в «Кругозоре».

знали, как вели себя в застенках наши люди. Следователи гестапо даже с некоторым пренебрежением относились к слизнякам, которые, попав в их руки, сразу выкладывали все. Поэтому надо было поднять себе цену. Пусть меня заставят говорить.

Правда, долго мне молчать не пришлось. После 15—20 минут я почувствовал, что второй допрос может не состояться. И когда начал терять сознание, объявил, что встреча с представителем нашей разведки на краковском рынке Тандета «назначена» на 24, 25, 26 либо 27 августа. В темно-синем бостоновом костюме, парижском галстуке, с розовым платком в боковом кармане я должен продавать часы «Омега», держа их в левой руке. Ко мне якобы должен подойти мужчина средних лет и спросить: «Давно ли вы из Киева?»

Как-то я получил новогоднее поздравление от старых друзей из Кракова. Оно начиналось латинскими «Дум спиро...». Древний девиз «Пока дышу—надеюсь» был нашим паролем связи с польским патриотическим подпольем. Эти слова я обнаружил на стене моей камеры в краковской тюрьме среди прощальных строк и проклятий по адресу Гитлера, оставленных узниками.

Группа «Голос» вначале насчитывала всего три человека. Мы не были профессиональными разведчиками, а стали ими, потому что шла война. До войны я учительствовал. Мой заместитель по разведке Алексей Шаповалов был комсомольским работником. Ася Жукова, наша радистка, только что окончила десятилетку. Столь же юной была и другая радистка—Елизавета Вологодская. В апреле 1944 года, после провала своей группы «Львов», она была спасена и укрыта польскими патриотами Юзефом и Валерией Зайонц. С нею мы должны были встретиться во вражеском тылу.

Наша группа была выброшена в ночь с 18 на 19 августа и приземлилась неудачно. На окраине Кракова самолет обстреляли зенитки, потом прицепился ночной «мессер», и это вынудило экипаж расстаться с нами не в том квадрате, который был определен приказом. Случилось так, что на второй же день я попал в руки полевых жандармов: зашел в какую-то рощицу и, видимо, сказалось нервное переутомление, незаметно для себя задремал. Проснулся от сильного толчка в бок. В сумке у меня был комплект батарей, пистолет ТТ, финка—все советского производства—и крупная сумма валюты. Жандармы меня скрутили, бросили в повозку и отправили в участок.

На этом деятельность моя как разведчика могла бы и завершиться. Но мне повезло. В участке жандармы не произвели допроса. Они передали меня в катовицкое гестапо только через сутки. За эти сутки я проанализировал положение. У меня не было рации. И я придумал в камере новую легенду: будто бы я—связной, который должен передать батареи и валюту группе разведчиков.

Было, однако, ясно и другое. Если я объявлю все это в первую же минуту допроса, гитлеровцы не поверят. Они

Бывшая радистка группы «Голос» **Елизавета Яковлевна Вологодская** (Комар, Ольга) участвует в восстановлении стенограммы событий на звуковой странице, которую подготовили комментатор **А. Гальперин** и корреспонденты радио и телевидения во Львове и Варшаве **А. Ильченко** и **В. Пархоменко**.

Гитлеровцы мне поверили и, коль скоро встреча состоится в Кракове, решили передать меня в краковское гестапо. «Но,— было прибавлено,— там шутить не любят».

Со стальным браслетом на руках я был перевезен в Краков. Утром 24 августа в камеру принесли очищенные от крови костюм, рубаху, галстук, а тюремный парикмахер привел в «божеский» вид мое лицо, заделав ссадины. Гестаповцы стали меня водить на рынок. Бежать не было никакой возможности.

В последний день — 27-го числа — мне вдруг снова повезло. Где-то в центре рынка, в середине дня, загремели выстрелы. Как я узнал потом, то была облава на валютчиков. Обезумевшая толпа бросилась бежать в разные стороны. Людской волной меня снесло с места, где я стоял, потерялись телохранители, рядом оставался один лишь длинный гестаповец в темных очках. Собрав последние силы, я ударил его по очкам. Он взвыл, я бросился бежать и через несколько мгновений был уже на соседнем дворе. Я не забегал в парикмахерскую, как показано в фильме «Майор Вихрь», а очутился где-то на набережной. Это было счастье — это был побег.

На третий день я добрался до запасной явки в селе Рыбном, километрах в двадцати от Кракова, и предьявил пароль хозяину: «Имеет ли пан в продаже сливы?» Он ответил мне, что слив в продаже нет, он может продать яблоки.

И вот после этого мы встретились с Асей и Комаром. Алексей прибыл на запасную явку позже.

Но я допустил некоторый просчет. На протяжении многих дней в одном и том же доме на окраине села Санки работала наша радиостанция. Комар в одно и то же время выходила в эфир, пользовалась одними и теми же позывными. И гитлеровцам удалось запеленговать станцию. Наступил вечер 15 сентября...

Е. БЕРЕЗНЯК,
заслуженный учитель УССР

Продолжение рассказа — на пятой звуковой странице.

Фото А. Гальперина, Г. Тельнова и Л. Шерстенникова

Матвей БЛАНТЕР: Весной 1942 года я получил письмо из Чистополя от Михаила Исаковского. Он был болен и тяжело переживал, что находится вдали от друзей-фронтовиков. В письме были стихи. По первым строчкам я почувствовал, что написать музыку к ним будет легко. Так появилась песня «В лесу прифронтовом». Мне не показалось, что она лучше других моих песен. Причина ее популярности, думаю, в том, что она появилась вовремя.

Что мы пели, когда над миром встала угроза фашизма? «Если завтра война», «Катюша», «По военной дороге»... А потом был июнь 41-го, а потом октябрь, декабрь. Тогда было не до лирики.

Разгром гитлеровских полчищ под Москвой развеял миф об их непобедимости. И уже обстрелянный солдат почувствовал запах другого дыма, дыма, что вьется над крышей его родного дома, до боли знакомый запах березового полена, вспомнил и запел обо всем этом.

Константин ВАНШЕНКИН: По просьбе Общества советско-болгарской дружбы я написал стихи о советском солдате, который погиб, освобождая

болгарскую землю, и о памятнике ему, что стоит под городом Пловдивом. Сами болгары ласково называют памятник Алешей. На самом деле это образ собирательный — мужественный, человеческий и, я бы сказал, лиричный образ. Для меня же это Вася Демидов, самый близкий на войне человек. Погиб он у реки Раба. Казалось бы, как давно это было, а я не могу его забыть. Он — моя постоянная, живущая боль.

Композитор Эдуард Колмановский написал музыку. Первым песню исполнил ансамбль имени Александрова, который и привез ее в Болгарию. Песню подхватили болгарские певцы Маргарет Николова и Георгий Кордов. Теперь это гимн города Пловдива, его музыкальная эмблема, его позывные.

МЕЛОДИИ ПАМЯТИ

Потом я получил много писем от матерей солдат, носивших имя Алеша, не их ли сын погиб в Болгарии?

На десятой звуковой странице песни «В лесу прифронтовом» (М. Блантер, М. Исаковский) и «Алеша» (К. Ваншенкин, Э. Колмановский). Поют вокально-инструментальный ансамбль из Чехословакии и болгарский дуэт.

На фото:
М. Николова, Г. Кордов.

Михаил ЖАРОВ,
народный артист СССР

Разбирая забытые фотографии и дневники военных лет, я вдруг ясно, как будто это было вчера, а не в далекие 41—42-й годы, вспомнил Алма-Ату, вспомнил кинематографистов двух мощных студий—«Мосфильма» и «Ленфильма», которых перебросили туда для творческой работы. Коллективы объединили в одну студию. В двух шагах от нее нам выделили, срочно достроив, трехэтажный жилой дом, который окрестили «лауреатником»: там получили по комнатке ведущие мастера кино—лауреаты премий.

Работать все стали сразу, без акклиматизации и адаптации, на полный ход. И. Пырьев быстро, в боевом темпе снимал «Секретаря райкома», где я играл старика партизана Русова, А. Файнциммер—«Котовского». С. Эйзенштейн готовился к съемкам «Ивана Грозного», был весь собран и точен в работе. Во ВГИКе, который тоже перевели в Алма-Ату, кто-то из студентов опоздал на открытие учебного сезона. Сергей Михайлович сказал: «Здесь тыл, глубокий тыл! Вас прислали сюда во время всенародного горя, когда Родина залита кровью от нашествия фашистов. Прислали учиться. А вы опаздываете! Пять минут—это гибель городов, это минуты, нужные для уничтожения врага,

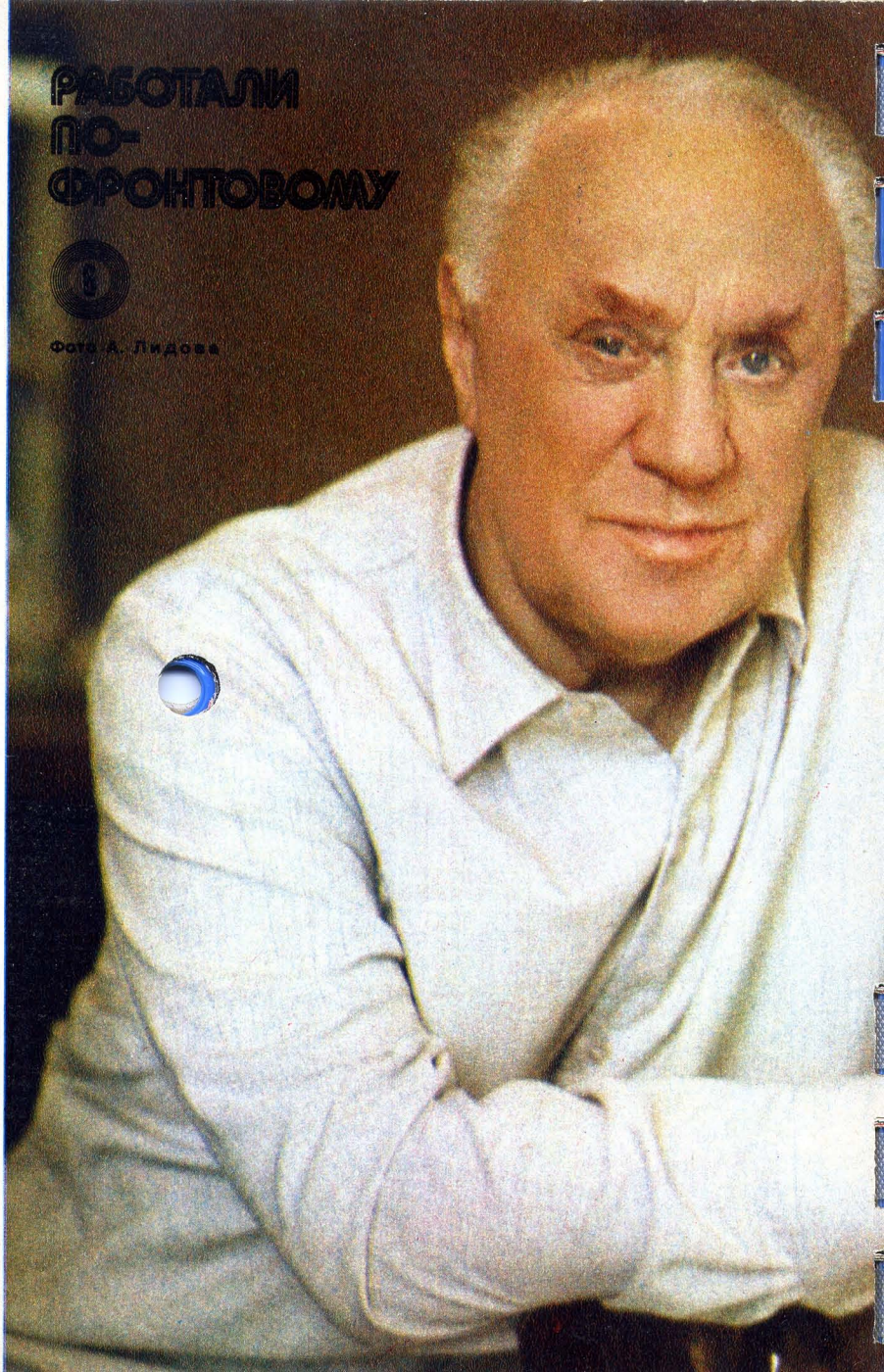
**Съемочная группа «Ивана Грозного».
Алма-Ата, 1942 год.**

РАБОТАЛИ ПО- ФРОНТОВОМУ

Фото А. Лидова

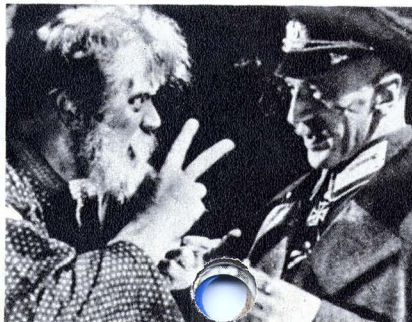
для победы! Я все сказал, делайте вы вод...»

У нашего дома он встретил Всеволода Пудовкина и спросил его, где тот устроился.

— В том же «лауреатнике», прямо над вами. Устроился чудесно: полки, как в купе, я наверху, нижний плацкарт—для

— «Широка страна моя родная...» А как дальше, знаешь? (12-й боевой киносборник. Танька—Янина Жеймо).

— Если скажу, то две коровы, герр генерал? («Секретарь райкома»).

жены,—весело ответил Всеволод Илларионович.

— Идете на ночь глядя снимать «Русских людей»?

— Да. Только, я вижу, мой герой не торопится, чай гоняет. Пошли!—крикнул мне Пудовкин.

— Бегу!—рявкнул я, допивая чай.

Свет в студию город давал только ночью. Помню, Пырьев назначил массовую съемку казни партизан. На площади в центре города поставили помосты с виселицами. В роли гитлеровского солдата-палача, который должен был вешать партизана Русова, снимался Вольф, сын немецкого писателя-антифашиста Ф. Вольфа. И когда я закричал по роли: «Вешайте, гады, всех не перевешаете!»—зрители, густо окружавшие помост, стали махать кулаками и тоже кричать: «Гады, гады! Сами будете висеть!» Вольф чувствовал себя, как он потом признался, претерпительно. «Но откажитесь не имею права,—сказал он,—буду показывать всю

мерзость фашистского солдата!» Эту сцену мы снимали с пяти утра до шести вечера и той же ночью в павильоне—сцену в штабе партизан.

С не меньшей отдачей работал в «Котовском» Н. Мордвинов. А. Файнциммер снимал на натуре даже ночью. Время было уплотнено до предела. Эйзенштейн роздал нам сценарий «Ивана Грозного», сказал проникновенно:

— Вы первоначинатели. Вас еще немного, но вы сила. Читайте, вникайте, вживайтесь, дружите друг с другом. И уважайте мастера,—закончил он с улыбкой.

Павильонов в студии не хватало. Братья Васильевы для окончания картины «Оборона Царицына» повезли меня и Геловани в Ташкент, там тоже была большая группа кинематографистов: Е. Самойлов, Раневская, Штраух. Режиссер Луков снимал «Пархоменко» с Хвылей в главной роли. С его группой мы и делили студию. Васильевы торопились: они начинали «Фронт» по сценарию А. Корнейчука.

Моя занятость была типична в то время для всех актеров: я снимался одновременно в «Воздушном извозчике» и в «Актрисе», кончал «Оборону Царицына» (две серии) и «Секретаря райкома», начинал в «Иване Грозном» (две серии). Получил предложение от А. Протазанова играть ходжу Насреддина, от И. Савченко—участвовать во второй серии «В степях Украины». Э. Гарин и Х. Локшина просили приехать в Ашхабад, они ставили фильм «Принц и нищий». Но от всех этих предложений пришлось отказаться.

По вызову Комитета по делам кино мы отправились с картиной «Воздушный извозчик» в Москву, а потом и на фронт, к летчикам. Именно там в беседах нам подсказали темы для следующих картин—«Небесный тихоход» и «Беспокойное хозяйство».

— Михаил Иванович, вы ведь снимались еще и в боевых киносборниках.

— Снимался.

— Редакция выписала 12-й киносборник из Госфильмофонда. Он был посвящен детям в войне, помните?

— Помню. Я расскажу об этом сборнике на звуковой странице.

Р. Коннифф: С русской музыкой я знаком давно: еще в детстве, обучаясь игре на фортепиано, разучивал пьесы Чайковского. Позже, работая со своим коллективом, я обращался к русской классике и мелодиям советских авторов. «Подмосковные вечера» в нашем исполнении изданы в США стотысячным тиражом. Поэтому я с радостью принял предложение сделать целую программу и в течение двух недель запоем работал над инструментальной песен советских коллег.

Наша беседа с Рэем Конниффом состоялась во Всесоюзной студии грамзаписи, где известный американский дирижер и композитор записывал своей 55-й диск — «Рэй Коннифф в Москве».

Почти двадцать лет назад, в 1956 году, состоялось первое выступление организованного им хора и оркестра из шестнадцати певцов и двенадцати музыкантов. В этом не было ничего нового. Новое заключалось в необычных принципах оркестровки, сочетании голоса и оркестра, принципах, которые Кон-

нифф открыл за долгие годы поденщины, когда ему приходилось брать случайные подряды на инструментовку песен. Его хор запел в унисон с трубами, тромбонами, саксофонами, подражая их тембровой окраске, запел без слов, вступая порой в своеобразный диалог-переключку с музыкальными инструментами.

Р. Коннифф: К своей работе отношусь очень строго. По десятибалльной шкале оценок, которой мы пользуемся в США, ни одному из записанных мною ранее долгоиграющих дисков я не поставил высшего балла. Оценка результатов работы в Москве приближается к нему. Не скрою, изрядно волновался, получится ли задуманное: впервые за свою практику я собирался записывать песни с совершенно незнакомыми мне коллективами. Теперь могу сказать: я счастлив, что побывал в Москве и встретился с вашими талантливыми музыкантами и певцами, которые так самозабвенно отдаются творчеству.

Глеб СКОРОХОДОВ
Фото И. Рыбакова

Слушайте одиннадцатую звуковую страницу. В московских записях Конниффа приняла участие артистка Камерного хора, вокальный квартет «Улыбка» и ансамбль «Мелодия».

РЭЙ КОННИФФ В МОСКВЕ

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1975 г.

На первой странице
обложки: **Герои
войны, герои труда.**
Художник В. Семенов

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
31/III 1975 г.
Б 04805 Подп. к печ.
8/IV 1975 г.
Формат 60 × 84 1/2
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500000 экз.
Зак. 417. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

В номере использованы
фондокументы
Центрального
Государственного
архива
звукозаписей СССР.

Наш адрес:
113326, Москва,
Пятницкая, 25, «Кругозор»

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **«И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова...»** Документы Великой Отечественной и наших дней; новая запись песни И. Дунаевского и М. Лисянского «Моя Москва».
2. **Победители.** Полководцы о солдатах.
3. **Родная земля.** История, рассказанная М. Шолоховым.
4. **Ночь не может длиться вечно!** Диалог Генерального секретаря Компартии Чили Луиса Корвалана с сыном.
5. **К истории спасения Кракова.** Вспоминают советские разведчики.
6. **Актер Михаил Жаров:** «Как я снимался в роли партизан».
7. **Армейский запевала.** Три песни из репертуара ансамбля имени Александрова.
8. **Поет Марк Бернес:** «Тучи над городом встали» П. Арманда, «Темная ночь» и «Любимый город» Н. Богословского на стихи В. Агатова и Е. Долматовского.
9. **Для строителей БАМа** поют ансамбль «Самоцветы» и Геннадий Белов.
10. **Мелодии памяти.** Исполняют чехословацкие и болгарские артисты.
11. **В аранжировке Рэя Конниффа** «Счастливейший день» (В. Дмитриев, М. Рябинин) и «Березовый сок» (музыка В. Баснера).
12. **Здислава Сосницка** (Польша): «Последние слезы» (Б. Байер, И. Кофта) и «Подумай обо мне» (Я. Щигел, З. Ставецки).

Главный редактор Б. ТИХОНЕНКО
Редакционная коллегия:
И. Д. КАЗАКОВА, Л. Э. КРЕНКЕЛЬ,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник), В. В. МАНИОН,
Н. П. СУББОТИН (главный режиссер), Г. М. ШЕРГОВА
Технический редактор Л. Е. Петрова

Днем своего рождения дважды Краснознаменный ордена Красной Звезды ансамбль песни и пляски Советской Армии считает 10 октября 1928 года. С тех пор, пожалуй, я и знаком с ним. Тогда в ансамбле было всего двенадцать человек. Руководил им замечательный музыкант Александр Васильевич Александров. Именно его заботами коллектив сразу же обрел свое, неповторимое звучание, где высокое хоровое искусство так органично сочеталось с военной спецификой. На высоком эмоциональном накале в исполнении ансамбля звучали самые разнообразные песни, в том числе и народные.

По договоренности с Александровым мы с композитором Давиденко отправились на Черноморский флот, чтобы создать сюиту о героической истории черноморцев. Работа завершена не была, но песни на мои слова впоследствии пел октет из ансамбля.

Кульминационными для коллектива стали военные годы. Бойцы Западного, Южного, Ленинградского фронтов, Орловско-Курской дуги, Карельского перешейка помнят в его исполнении песни «Соловьи», «Вечер на рейде», «До свиданья, города и хаты»... Памятно первое исполнение песни «Священная война» на Белорусском вокзале 25 июня 1941

На седьмой звуковой странице
в исполнении ансамбля имени
Александрова вы услышите
«Смуглянку» А. Новикова
на стихи Я. Шведова,
русскую народную песню
«Колокольчик» и «Молодость»
М. Минкова
на стихи Э. Багрицкого.

АРМЕЙСКИЙ ЗАПЕВАЛА

МОЯ ПРОФЕССИЯ — ПЕСНЯ

года. Ансамбль спел ее пять раз подряд! Песня, как оружие, была нужна людям. Сейчас в ансамбле около 200 человек. Его репертуар представляет собой своеобразную музыкальную летопись страны, а многие его участники — это те, кто своими руками творил ее военную историю: народный артист СССР Е. Беляев был рядовым солдатом, народный артист РСФСР И. Букреев — летчиком...

У дирижерского пульта встал Борис Александрович Александров, талантливый продолжатель дела своего отца. С каждым годом он вносит что-то новое и в репертуар, и в манеру исполнения, и в сочетание хореографической, вокальной и инструментальной частей этого великолепного ансамбля, постоянно современного и постоянно по-новому звучащего.

Потрясающим (другого слова не подберешь) можно назвать успех, которого добивался коллектив в самых разных аудиториях не только у нас на родине, но и за границей. Каждый иностранец, знакомящийся с искусством ансамбля, понимает, что перед ним солдаты армии нового типа, в которой сила воли, умение обращаться с оружием гармонически сочетаются с богатой духовной, богатой эмоциональной жизнью.

Алексей СУРКОВ

ЗДИСЛАВА СОСНИЦКА

12

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Польша

Путь Здиславы на большую эстраду характерен для многих ныне известных исполнителей народной Польши. Правда, поначалу Здислава и не предполагала, что станет певицей: в детскую музыкальную школу ее приняли по классу фортепиано, в Познаньской высшей музыкальной школе она обучалась дирижерскому мастерству. В свободное от учебы время выступала в самодеятельных вокальных коллективах.

1962 год стал в ее судьбе переломным. Именно тогда Здислава Сосницка приняла участие в самом массовом в народной Польше песенном конкурсе — фестивале советской песни в Зеленой Гуре, давшем путевку в большое искусство многим молодым самодеятельным артистам. «Советской песне, — говорит Здислава, — я многим обязана. И главное тем, что неизменным стал мой интерес к произведениям содержательным, глубоким, волнующим слушателей».

Одной из лучших послевоенных мелодий польская критика назвала песню «Дом, который у меня есть» (композитор Марек Севен) — о Польше, о любви человека к родной земле. Именно эта песня, исполненная в Сопоте в 1971 году, принесла Здиславе признание, стала ее своеобразной визитной карточкой. Успех сопутствовал певице и в последующие годы: первая премия на фестивале «Золотой Орфей» в Болгарии, награды на музыкальных конкурсах в Японии, ГДР, Чехословакии, Франции... Несколько раз приезжала Здислава на гастроли в нашу страну. Песни, представленные на звуковой странице «Кругозора», взяты нами из ее последней, апрельской, программы.

«В Советском Союзе, — рассказывает Здислава Сосницка, — я себя чувствую, как дома. Я рада, что здесь хорошо знают мои песни, тепло и сердечно принимают каждое выступление». Когда я спросил Здиславу о ее планах, она коротко ответила: «Петь. Петь так, чтобы приносить людям радость».

Александр ЖИГАРЕВ

Цена 1 руб.